

М. И. Драгомировъ—генераль-губернаторъ.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній)¹⁾.

Отъ два года съ лишнимъ пробылъ я на этомъ посту, никто и не заговаривалъ о необходимости введенія земскихъ учрежденій въ этомъ краѣ, а теперь вдругъ заговорили,—спѣшно подавай, подробно разработать нужно чуть-ли не въ трое сутокъ, говорилъ Мих. Ив., сидя въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ въ Кіевѣ, однажды по возвращеніи изъ Петербурга въ весеннюю пору; чудной вашъ министръ, или кто-нибудь его подвигиваетъ, но суетности въ немъ не оберешься, а между тѣмъ, кому же, какъ не ему, знать, что спѣшкой только людямъ на смѣхъ что-нибудь можно выкинуть такое несуразное, въ чемъ послѣ не распутаешься.

Съ этими словами М. И. поднялся и пошелъ въ свой довольно обширный садъ, въ которомъ любилъ съ утра заняться посадками и наблюденіемъ за работами находившагося при его домѣ искуснаго садовника.

— Да, чудакъ вашъ Сицягинъ; видно, честности онъ неимовѣрной, но и суетливъ въ томъ же размѣрѣ,—продолжалъ М. И. свой разговоръ, прогуливаясь и съ большою, несвойственною его характеру, заботливостью, поправляя кое-гдѣ вѣтки распускавшагося дикаго винограда, который, по его указаніямъ, былъ разсаженъ гирляндами на краяхъ дорожекъ, обрамленныхъ красивыми чугунными столбиками;—около нихъ, спускаясь и поднимаясь отъ одного къ другому, виноградъ цѣплялся.

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

Дѣйствительно, первые два года по вступленіи М. И. въ должность кievскаго генераль-губернатора, вопроса о введеніи земства въ трехъ губерніяхъ Юго-западнаго края никто не поднималъ; только лишь отъ предмѣстника Драгомирова,—графа А. П. Игнатъева, остались въ канцеляріи воспоминанія о томъ, какъ онъ представлялъ не разъ свои по этой части проекты, въ которыхъ, съ большою логичностью и обстоятельностью, разбивалъ всякое стремленіе и посползованіе насадить земское самоуправленіе въ этомъ пестромъ, по его убѣжденію не созрѣвшемъ краѣ;—наверху же вообще этому вопросу значенія не придавали, такъ какъ усматривали бѣольшую насущность въ повсемѣстномъ проведеніи въ жизнь и въ администрацію законности; и этимъ заниматься находили болѣе всего необходимымъ;—нынче это признано правильнымъ называть закономѣрностью, тогда же, при полномъ сознаніи крайне серьезной потребности въ ней,—полушутя говорили, что пошла „юридизація“ Россійской имперіи.

Дм. Серг. Сипягинъ, водворившись на постъ министра внутр. дѣлъ, сразу налегъ на дѣло упорядоченія земскаго хозяйства въ тѣхъ губерніяхъ, которыя земскими учрежденіями были надѣлены, и на дѣло проектированія введенія ихъ въ остальной Россіи или хотя бы въ бѣольшей ея части. Онъ былъ испытанный землецъ, такъ какъ прослужилъ въ Московской губерніи уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ тѣ годы, когда дворянство усиленно работало на земской нивѣ.—Въ должность харьковскаго вице-губернатора Дм. Серг. вступилъ съ большимъ запасомъ практическихъ знаній по части земскихъ работъ; эти знанія онъ приобрѣлъ, отдаваясь всецѣло трудамъ по части хозяйства своего Волоколамскаго уѣзда вообще и въ качествѣ предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія особенно.—Тогдашній харьковскій губернаторъ Александръ Ивановичъ Петровъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, съ особой похвалою отзывался о томъ, въ какой степени вице-губернаторъ Дм. Серг. Сипягинъ являлся для него дѣльнымъ помощникомъ по части направленія работы земства губерніи и наблюденія за правильнымъ веденіемъ земскаго хозяйства въ ней.

М. И. Драгомировъ, какъ конотопскій землевладѣлецъ, съ большимъ одобреніемъ встрѣчалъ всѣ проекты Сипягина-министра; онъ не пропустилъ ни работъ его по введенію предѣльнаго земскаго обложенія, ни заботъ по сдерживанію земствъ въ дѣлѣ правительнаго и точнаго выполненія сложныхъ расходованій, но ему, какъ онъ выражался, претила торопливость въ дѣлахъ.

Вообще отношенія между М. И. Драгомировымъ и Д. С. Сипягинымъ, съ теченіемъ времени, установились не важныя; постоянно

отдавая справедливость отрицательному рыцарству, съ которымъ министръ умѣлъ относиться ко всѣмъ и ко всему, М. И. съ тѣмъ вмѣстѣ нерѣдко нападалъ на него, и было это скорѣй результатомъ какого-то недоразумѣнія; оно крылось главнымъ образомъ въ томъ, что Сипягинъ торопилъ представленіе проектовъ, не думая спѣшить самымъ введеніемъ реформы, а М. И. какъ бы опасался спѣшнаго, то есть торопливаго недостаточно обработаннаго введенія того, надъ чѣмъ необходимо было много поразмыслить.—Къ этимъ недоразумѣніямъ присоединилось еще и то, что М. И., не одобрявъ дѣятельности одного изъ губернаторовъ ввѣреннаго ему края, представилъ ходатайство о переводѣ его въ другой край, въ чемъ однако Д. С. Сипягинъ, если не совершенно отказалъ, то не выказалъ особой готовности немедленно удовлетворить ходатайство, а это Мих. Ив—ча, какъ начальника края, поставило въ неловкое или въ непріятное положеніе.—На долго, хотя быть можетъ безъ умысла, затянулось со стороны М. И. представленіе требовавшагося проекта, а со стороны Дм. Серг. изъятіе показавшагося неподходящимъ губернатора; начавшееся сначала на этихъ почти мелочахъ будированіе мало-по-малу готово было перейти во вражду и уже почти перешло, когда вдругъ, какъ бы по уговору, М. И. отослалъ тщательно обработанный имъ лично проектъ, а со стороны министра послѣдовало распоряженіе о переводѣ провинившагося губернатора въ одну изъ сѣверо-западныхъ губерній. Неизвѣстно, какъ отразилось бы это все на взаимныхъ отношеніяхъ двухъ высшихъ представителей власти, если бы, почти одновременно съ тѣмъ, не поразило Россію, какъ громомъ, убійство одного изъ нихъ: 2-го апрѣля 1902 года былъ сраженъ пулями злодѣя министръ внутреннихъ дѣлъ егермейстеръ Дм. Серг. Сипягинъ,—о чемъ М. И. много разъ высказывался съ большимъ и горестнымъ сожалѣніемъ:—Жаль, ни за что погибъ чистый человекъ,—говорилъ онъ.

* * *

Все мирное въ ходѣ жизни Россіи вообще и въ дѣлѣ управленія ею въ частности какъ бы заглохло на нѣкоторое время; проснуться суждено было всему не возвращеніемъ къ обычному мирному теченію, а чудовищной бѣдой, внезапно тогда же весной выросшей въ видѣ громаднаго крестьянскаго бунта въ предѣлахъ Полтавской и Харьковской губерній.

Не до проектовъ, а въ особенности не до такихъ оказалось въ то тяжелое время новому министру—статсъ-секретарю Вячеславу Константиновичу Шлеве; онъ весь поглотился стремленіями уми-

ротворить зашумѣвшую крамолой жизнь; со свойственной ему необычайной энергіей, взявшись за дѣло горячо, онъ иногда грѣшилъ тѣмъ, что видѣлъ зачатки крамолы или тамъ, гдѣ ихъ не было, или не въ томъ видѣ, въ какомъ она на самомъ дѣлѣ появлялась,— поэтому давалъ ей возможность неожиданно проявиться, а затѣмъ и развиваться при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ тому не было и, въ сущности, не могло быть мѣста. Этотъ умный и даже мудрый человекъ, говаривалъ М. И., будучи вообще крайне осторожнымъ, давалъ этой своей осторожности иногда выливаться въ родъ хитрости звѣриной, а потому дѣйствовалъ не рѣдко съ излишнею предусмотрительностью, которая порождала то, что, по просту говоря, опредѣляется выраженіемъ—„палилъ изъ пушекъ по воробьямъ“.—М. И. былъ знакомъ съ нимъ, т. е. зналъ его давно; познакомился нѣсколько больше въ то время, когда попалъ въ члены Государственнаго Совѣта, въ бытность Плеве государственнымъ секретаремъ. Но ближе онъ узналъ его,—а можетъ быть вообще они узнали другъ друга,—именно въ тотъ періодъ времени, когда В. К. Плеве, вступивъ въ должность министра, только-что успѣлъ поразить всѣхъ своей чрезвычайной энергіей, родившей изъ ряду вонъ выходившую распорядительность въ Полтавско-Харьковскомъ районѣ.

Между прочимъ, благодаря этой колоссальной энергіи оказалось возможнымъ тогда же, безостановочно, въ сосѣдней съ тѣмъ райономъ мѣстности, — какъ ни въ чемъ не бывало, въ концѣ августа выполнить намѣченные раньше большіе маневры, въ которыхъ войска Московскаго военнаго округа, подъ командой своего главнокомандующаго Великаго Князя Сергія Александровича, дѣйствуя противъ ставшихъ подъ начальство воен. министра ген. Куропаткина войскъ Кіевскаго округа, должны были развернуться передъ Государемъ и показать свою боевую готовность.

Согласно Высочайшей волѣ, генераль М. И. Драгомировъ передалъ свои войска, вмѣстѣ со своимъ искуснымъ начальникомъ штаба—генераломъ В. А. Сухомлиновымъ, военному министру въ его распоряженіе, а самъ остался лишь посредникомъ, которому предоставлено было судить о дѣйствіяхъ обѣихъ образовавшихся такимъ образомъ армій и сужденіе объ нихъ высказать по окончаніи маневровъ со всѣми замѣчаніями о недостаткахъ и достоинствахъ, коимъ суждено было проявиться, какъ въ исполнительныхъ военно-боевыхъ работахъ частей войскъ, такъ и въ распорядительности поставленныхъ надъ ними высшихъ начальниковъ и въ искусствѣ направленія ими тѣхъ частей на поляхъ.

Много утѣшительнаго пришлось тогда слышать о результатахъ

этого Высочайшаго смотра 1902 года войскъ въ боевой готовности; воспоминанія объ этомъ эпизодѣ военной жизни нашей арміи останутся навсегда такими, что основывать свои заключенія о нашей арміи приходится именно по этимъ маневрамъ, во время которыхъ славнымъ войскамъ нашимъ подъ Курганомъ были даны всѣ условія боевой обстановки.—Съ одной стороны, это былъ экзаменъ войскамъ вообще, а съ другой, обстоятельная провѣрка того, что смогъ сдѣлать съ дѣломъ обученія и воспитанія своихъ войскъ генераль Драгомировъ за тотъ періодъ времени, когда на него, кромѣ командованія ими и повседневной заботы объ ихъ боевой подготовкѣ, были возложены обязанности административнаго управленія такимъ краемъ, каковъ Юго-западный.—Все прошло прекрасно.—М. И. рѣдко подчеркивалъ состояніе своихъ войскъ; такъ, похвалить ихъ въ строю или распечеть, а на сторонѣ бывало не высказывалъ ничего; но въ этотъ разъ онъ позволилъ себѣ дать и повторить сторонній отзывъ: подобались, подтянулись, молодцами себя показали и Царя очень порадовали, — въ добрый часъ сказать... Ну, и молодцами явились московскіе полки.

* * *

Окончивъ свой большой трудъ по изготовленію проекта введенія въ край земскихъ учрежденій и отправивъ его по назначенію въ собственныя гофмейстера Д. С. Сипягина руки, чуть ли не въ день его гибели, М. И. Драгомировъ не зналъ, куда тотъ трудъ попалъ и какая участь его постигла.

Не разъ онъ заговаривалъ объ этомъ, какъ бы лишь предаваясь воспоминанію объ истекшемъ, о прошломъ; а когда ему предлагали навести справки, онъ всегда, одинаково невозмутимо, отвѣчалъ:

— Всплыветъ; когда понадобится, спросятъ; такъ не пропадетъ.

— Кто спроситъ? когда?

— Тотъ спроситъ, кому понадобится и кому до этого касательство будетъ; а когда? не все ли равно когда, имъ тамъ лучше знать...—съ полнымъ, отличавшимъ его спокойствіемъ, отвѣчалъ онъ.

Но вотъ прошли, порадовавшіе и Царя и Россію отмѣннымъ состояніемъ войскъ, маневры; М. И. Драгомировъ возвратился въ Кіевъ къ своимъ сложнымъ мирнымъ занятіямъ; оживленнымъ разговорамъ о только-что прошедшей курской эпопеѣ не было конца, спокойное настроеніе радовало всѣхъ, вездѣ все входило въ свою колею.

— Что-то Мих. Ив. какъ-будто нѣсколько безпокоенъ дѣломъ, касающимся его пресловутаго проекта,—сказалъ однажды въ компаніи

добрыхъ знакомыхъ генералъ В. А. Воиновъ,—не то, что обезпеченъ, а занятъ имъ и часто возвращается къ разговорамъ о немъ.

— Отчего же, что произошло?

— Ничего, кажется, не произошло, а между тѣмъ, нѣтъ-нѣтъ, да заговорить объ этомъ, трудно разобрать съ чего и почему; такъ онъ всегда спокойно къ такимъ дѣламъ относится; непонятно, что такое вышло, рѣдко что-либо занимаетъ Михаила Ивановича въ такой степени.

— А что же правитель канцеляріи говоритъ объ этомъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что правитель канцеляріи тревогу забилъ, не можетъ раскусить въ чемъ суть. Кабы я, говоритъ, помогаль въ дѣлѣ составленія проекта, я и зналъ бы чего держаться и въ чемъ можетъ оказаться какая бы то ни было загвоздка; а то, вѣдь, самъ онъ отъ начала до конца, отъ первой строки до послѣдней, составилъ по-своему, самъ переписалъ, работа вышла надиво,—но что съ ней дальше произошло,—Христось ее вѣдаетъ...

Черезъ нѣсколько дней такого смущенія, которое заражало всѣхъ, Мих. Ив., разговорившись однажды съ тѣмъ же близкимъ ему человѣкомъ, В. А. Воиновымъ, рассказалъ ему исторію, которая его задѣла со всѣхъ сторонъ въ такой степени, что трудно было себѣ представить, какъ могъ онъ, Мих. Ив., чѣмъ-либо подобнымъ такъ озаботиться. — Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, — сказала М. И.,—а такъ оно меня охватило, что я просто самъ удивляюсь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, оказывается, началъ съ нимъ разговоръ именно о введеніи земства въ Юго-западномъ краѣ; съ первыхъ же словъ стало ясно, что проектъ, отосланный Д. С. Сипягину, находится у него въ рукахъ, и онъ предложилъ Михаилу Ивановичу теперь же подробно переговорить о деталяхъ того проекта; когда же получилъ заявленіе, что лучше отложить эти переговоры до болѣе удобной минуты, такъ какъ въ данный моментъ можетъ служить помѣхой необходимость занятія чисто военными соображеніями о ходѣ маневровъ, находящихся въ разгарѣ своего хода,—то сказалъ: мнѣ очень жаль, я хотѣлъ получить ваше разъясненіе лишь по двумъ-тремъ пунктамъ прекрасно, обстоятельно составленнаго и разработаннаго проекта,—свидѣтельствующаго объ особомъ знаніи всего касающагося края, о которомъ въ проектѣ идетъ рѣчь.

— Разговоръ между нами на этомъ прекратился,—разсказывалъ далѣе М. И. Драгомировъ,—я, конечно, придалъ очень мало значенія похвалѣ, которая вылетѣла изъ устъ министра; похвала меня не удивила и не обрадовала, такъ точно, какъ что-либо противоположное этому комплименту не могло меня ни поразить, ни огорчить,

а еще менѣе того обезкуражить. Черезъ два-три дня выплыло нѣчто такое, чему я не повѣрилъ и не повѣрю, въ чемъ вижу простое лишь недоразумѣніе и что мнѣ кажется рѣшительно невѣроятнымъ по самому простому отсутствію нужды въ появленіи всего этого на свѣтъ.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ встрѣтившихся съ М. И. старыхъ пріятелей и товарищей по службѣ въ генеральномъ штабѣ нашелъ нужнымъ преподнести ему, будто-бы министръ, вечеромъ въ самый день послѣдовавшаго со стороны М. И. отказа начать тотчасъ переговоры о проектѣ, мимоходомъ выразилъ крайнее удивленіе тому, какъ можетъ хорошо освѣдомленный о нуждахъ населенія и жизни Юго-западнаго края, — генераль-губернаторъ исповѣдывать убѣжденія въ необходимости для того края земскаго самоуправленія...

— Господь съ нимъ, со всѣмъ этимъ мелкимъ эпизодомъ. Именно, повторяю, — говорилъ М. И.—дѣло не стоитъ выѣденнаго яйца, но съ какой-то стороны слышится въ немъ та пустая ложь, которая крайне непріятно поражаетъ.—За этимъ министромъ никогда этого не было; товарищъ видно подрадѣлъ...

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

